

ОЛЕГ АНОФРИЕВ: «Ростропович с автоматом – это нонсенс»

Андрей Морозов

На днях в московских театрально-концертных кругах пронесся слух, что легендарному композитору, певцу и актеру Олегу Анофриеву наконец-то накануне его 75-летия присвоено звание народного артиста России. До этого Анофриев оставался одним из немногих корифеев отечественного театра и кино, которого всевозможные регалии упорно обходили. Поскольку официальных сообщений о звании пока так и не было обнародовано, «Новые Известия» решили поинтересоваться на этот счет у самого Олега Анофриева.

– Олег Андреевич, насколько я знаю, до сих пор из знаков отличия и наград у вас было лишь звание заслуженного артиста РСФСР, которое вы получили в 1969 году? Правда ли, что вам присвоили наконец-то народного артиста?

– Это очень смешная история. Еще в прошлом году начались звонки из администрации президента: «Мы допустили ошибку, что вы до сих пор только заслуженный. Мы готовы это исправить». Я сказал, что отношусь к этому философски и меня не очень волнует – будет у меня звание народного или нет (я не кокетничаю, это действительно так). «Нет-нет, мы обязательно исправим эту ошибку», – сказали мне. Потом начались звонки из Союза кинематографистов, в общем – заработала машина присвоения звания... Месяц назад мне позвонил сотрудник администрации и сообщил, что президент подписал указ о присвоении мне звания народного артиста России. Он мне даже факс прислал с номером указа. Потом пришла телеграмма с поздравлениями от Михалкова. И все. С тех пор тишина.

– То есть как? Это анекдот?

– Да, анекдот. Но с другой стороны, эта история подтверждает, что у нас в стране как был бардак, так и остался. А ведь в моем возрасте это чревато – могу и не получить. Шучу, конечно. На самом деле это не так уж и важно.

Окончание на стр. 5.

«Ростропович с автоматом – это нонсенс»

Новые известия – 2005 – 10 февр. – с. 5

Окончание. Начало на стр. 1

– Вы тут про возраст вспомнили... В этом году вам исполняется 75 лет. Юбилей! Как вы этот возраст ощущаете, что он для вас значит?

– С некоторых пор свое существование на Земле я воспринимаю как премиальные за приличное поведение. Не думал, что доживу до семидесяти, а мне уже 74... Кажется, что после семидесяти никакого смысла и интереса в жизни уже нет, потому что уходят самые сокровенные чувства и порывы. Мой друг Николай Крючков говорил мне: «Старик, я уже давно смотрю на женщин как на пейзаж»... Смотреть на них как на пейзаж обидно, к тому же когда выглядишь моложе, а соответствовать внешнему виду не можешь.

– Тютчев в семьдесят написал «Я встретил вас...».

– Написать-то можно все, что угодно. Хотите, я вам сейчас такое напишу, не как Тютчев, конечно, но вы почитаете – сочтете меня Казановой.

– И все же на пессимиста вы не похожи?

– Я всегда был оптимистом. Мои последние песни почти на грани идиотизма. Они о том, что я такой же веселый, хожу с женой встречать рассвет и любуюсь закатами... Что можно противопоставить оптимизму? Стать пессимистом и ворчать по поводу и без? Я, конечно, брюзжу, когда смотрю телевизор: «Все не так, не эдак». Но побрюзжал-побрюзжал, а жить-то надо. Хочется крыжовничка или смородинки поесть, искупаться сходить...

Мой оптимизм имеет, грубо говоря, материальную основу. У меня всегда было правило: обеспечивать семью и своих близких. Для этого я все жилы вытаскивал, мотался с концертами по стране (у меня было бешеное количество выступлений). Это же сейчас можно спеть одну песню один раз в месяц и получить за это приличные деньги. В 50–60-е годы я за концерт получал 13 рублей 50 копеек.

– Популярность помогала?

– Конечно. Но я говорю об этом с долей сарказма.

– Почему? Вам же наверняка хотелось быть знаменитым, узнаваемым?

– А вы вот никогда не хотели бы быть популярным журналистом? Кто-то очень правильно сказал: «Первую половину жизни я работаю на имя, а вторую половину имя работает на меня». Не забывайте, что популярность подразумевает не только славу, но и материальное благополучие.

– И тем не менее сегодня вы человек публичный и при случае пользуетесь своим авторитетом. К примеру, почему вы решили принять участие в недавней нашемей акции в защиту ветеринарных врачей?

– Главврач ветеринарной клиники, председатель Ассоциации ветеринарных врачей Сергей Середа, которого обвинили в хранении наркотиков, мой друг. Мы с ним как все собачники познакомились благодаря своим четвероногим друзьям. Он впал в немилость из-за применения кетамина, который, насколько я знаю, употребляется во всем мире. Но дело это ответственное, если это наркотик, то его хранение и употребление при лечении животных должно быть под особым контролем. Я знаю, что у многих врачей и в мыслях ничего дурного не было – они применяли его только на благо

Олег АНОФРИЕВ родился 20 июля 1930 года в Москве. В 1954 году, по окончании Школы-студии МХАТ, поступил работать актером в труппу Центрального детского театра (1954–1960 гг.). Затем два года работал в Театре им. Маяковского и десять лет в Театре им. Моссовета (1962–1972 гг.). В кино дебютировал в 1954 году, с тех пор снялся более чем в сорока фильмах. Первые свои песни написал и спел на радио в 1957 году. В 1969 году студия «Союзмультфильм» выпустила знаменитых ныне «Бременских музыкантов», где Анофриев озвучивал все роли. С тех пор им озвучено несколько десятков мультипликационных фильмов. В 1992 году он дебютировал как кинорежиссер, поставив фильм «Быть влюбленным» с Галиной Польских, Светланой Немоляевой и Александром Лазаревым в главных ролях. Анофриев по сей день много работает на эстраде, телевидении и радио, сочиняет музыку, стихи, песни, пародии и эпиграммы.

братьев наших меньших. Моей старшей собаке дважды делали операцию, и если бы не это средство, то ее не было бы в живых.

– Вы и в других акциях можете принять участие?

– В каких, например?

– Например, против войны в Чечне или против коррупции?

– Чувств все это собачья. Ничего не изменится, если я буду против войны выступать. Мы же с вами взрослые люди и знаем, откуда ноги растут. Не хочется ходить в дураках и массовке. Я это не люблю больше всего.

– В 91-м ваши коллеги защищали Белый дом – на баррикадах стояли...

– Знаете, для некоторых это было велением души, а у других другие планы были. Вы же понимаете, что Ростропович с автоматом – это нонсенс. Я не верю, что это был рекламный ход – в его порядочности не сомневаюсь. Но ведь многие это восприняли именно так. Почему я не пошел? Да, честно говоря, просто не успел. Но я все-таки стараюсь избегать толпы и громогласных заявлений... Просто не люблю громко кричащих людей.

– Это связано с возрастом или с вашими жизненными принципами?

– С возрастом тоже. Но в первую очередь с убеждениями. И еще – воспитанием. Для меня демократия очень сложное понятие. Теоретически, конечно, все просто – власть народа, и точка. Но ведь на практике, в реальной жизни ничего и близко к этому не существует. Все демократы оказались миллиардерами.

– Вас послушать, получается, что вы человек нелюдимый и скрытный. А ведь кино, где вы работаете всю жизнь, – это всегда большой коллектив, своеобразная семья...

– Кино? Пригласили, сняли, получил деньги и ушел. Там семьи собираются на два-три месяца и распадаются после окончания съемок. Есть, конечно, актеры, которые дружат, но дружат они не потому, что снимались в одном фильме.

– Но вы ведь и в театре много работаете... Кстати, что вам ближе – театр или кино?

– Скорее всего, я актер театра одного актера. Когда меня просят: «Озвучь такую-то роль», – я отвечаю, что не озвучиваю, а создаю образ. И потом, мне неинтересно делать только одну роль, а не все.

– Как это произошло в «Бременских музыкантах»?

– Вообще-то между собой мы озвучивание называли халтурой... Ко мне тогда пришли Ливанов, Энтин и Гладков и предложили спеть в «Бременских музыкантах» роль Трубадура. Я почитал сценарий, послушал музыку, и во мне все забурило. Я сказал: «Или всех, или никого».

– Почему же вас тогда не оказалось во второй серии мультфильма?

– У братьев Grimm в сказке нет ни короля, ни принцессы, ни Трубадура. У них есть четыре животных, которые стали уличными музыкантами, именно уличными, потому что для немцев это особая статья. Наш вариант был модернизированный. Когда я

соглашался, мне было очень приятно работать даже с этими изменениями, все это было как бы в рамках сказки братьев Grimm. А потом появился какой-то сыщик, какой-то фестиваль песни. Началась коммерческая раскрутка темы. Я все это не люблю. Но поскольку этим занимались высокоталантливые люди, то уже на опыте первой пластинки они поняли, что это золотая жила. А раз так, то извольте платить – решил я. Перед записью второй пластинки я сказал, что соглашусь участвовать только за авторские проценты. Тогда не было исполнительских прав, существовало только авторское право, и проценты за исполнение получали только авторы. Но они отказались мне платить проценты. Я посчитал, что это несправедливо, и сказал, чтобы они искали другого исполнителя. И они пошли к Магомаеву.

– Сколько же, если не секрет, вы получили за первую часть?

– 239 рублей. Точнее – 22 минуты по 15 рублей за минуту. Насколько я знаю, было написано еще несколько серий, фильм вот недавно вышел чудовищный. В общем, любую тему можно испоганить до безобразия, когда в глазах мерцают долларовые знаки. Я и сам «бескорыстно» люблю деньги, но не до такой же степени!

– Откуда же у вас такое желание – петь за всех? Это вы использовали как возможность показать особенности своего голоса или что-то другое?

– Это свойство моего характера. Поэтому я и ушел из театра. Я не могу играть в ансамбле. Мне всегда кажется, что все не так, что кто-то плохо играет, а кто-то лучше, так как я не могу. Как правило, я хочу все переиначить по-своему. Не знаю, плохо это или хорошо.

– Юрий Энтин рассказывал, что Андрей Миронов готовился целый месяц к записи песни кота в мультфильме «Голубой щенок». Сколько у вас времени уходило на создание образа?

– Я не верю, что Андрей готовился к этой записи целый месяц при его-то графике и загруженности. Если бы он так работал, то с голоду бы помер. Он мог прийти в студию на 15 минут, записаться и уйти. «Бременских музыкантов» мы, правда, записали за ночь. Студия была нарасхват, и нам ее дали только на одну ночь: с 11 вечера до 6 утра. Мы, конечно, репетировали до записи, я что-то искал для образов. Ненавижу слово «озвучивать». Стараюсь рождать характер! Нефтеналивный танкер – это Том Джонс, а бурый лесовоз – Луи Армстронг. В «Львёнке и черепахе» черепаху я наделил интонациями Раневской.

– У каждого актера есть роли, о которых он может сказать спустя время: «Сейчас вот это я сделал бы чуть-чуть по-другому». У вас что-то есть похожее?

– Я упрямый, до тупости упрямый. Если кто-то сделает мне такое замечание, то посчитаю, что меня не поняли. Также и с песнями: если не стала шлягером, значит, не поняли. Кстати, с некоторыми песнями так и получилось. Прошли десятилетия, и песня зазвучала именно в моем исполнении.

– Вы про «Песню о друге»?

– Не только. «Ах ты, палуба-палуба...» перелетою была шпана, а сейчас слышно только в моем исполнении. Есть вещи, для которых требуется дистанция.